

УДК 81'28

РУССКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В РЕЧИ ЛУПЬИНСКИХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. podjukov@yandex.ru

В статье рассматриваются тематические группы русской диалектной лексики, отмеченной в речи коми-пермяков, носителей лупьинско-мысовского говора коми-пермяцкого языка. Отмечается активное сохранение как в русской, так и родной речи лупьинцев севернорусских диалектизмов, нередко вышедших из употребления в традиционных русских говорах. Описываются причины заимствований, среди которых наиболее значимыми указываются влияние освоенных комплексов и форм традиционной русской культуры, взаимодействие в производственной сфере. Характеризуются процессы фонетических, грамматических, семантических трансформаций русского диалектного слова при усвоении его носителями коми-пермяцкого языка.

Ключевые слова: коми-пермяцкие говоры; лексический состав говоров; заимствованная лексика; культурно-языковое взаимодействие; адаптация заимствованного слова.

Основная форма проявления языковых контактов между народами – заимствование слов. Известно, что в коми языках немало древних иранских, болгарско-тюркских, ханты-мансийских, славянских включений – свидетельств многовековых связей народов коми с другими народами. Современный коми-пермяцкий язык развивается в процессе самого активного взаимодействия с русским языком, и одно из самых наглядных проявлений этого взаимодействия – заимствования в лексической сфере².

Известно, что еще до XX в. коми-пермяцким языком было заимствовано из русского большое количество бытовых названий одежды, продуктов питания, посуды, утвари – *пила, вила* (вилы), *самовар, понар* (фонарь), *ковта* (кофта), *кампет* (конфетка), *преник* (пряник), *шляпа, галстук, котлет, калбас* (колбаса), *матрац, тарелка, вилка*. В.И.Лыткиным по памятникам письменности на коми языке выявлено 100 слов, которые проникли из русского языка в коми язык еще в период XIV – XVIII вв. [Лыткин 1969: 242–248]. Позже приходят слова из области промышленности, торговли, транспорта, медицины (*механик, цемент, поезд, грузовик, почта, телефон*); слова, связанные с идеологией, образованием, культурой и спортом (*техникум, алфавит, жожатой, шахмат, стадион*). Слово *кутор*, например, было освоено коми-пермяками в начале XX в., когда в Прикамье, как и в других регионах России,

появляются обособленные однодворные хозяйства (результат аграрной столыпинской реформы, направленной на расширение надельного землевладения).

Из русского языка заимствовались прежде всего названия тех реалий, которые вошли в быт коми-пермяков сравнительно поздно. В частности, среди фитонимов русскими являются названия огородных овощей – слова *чеснок* (*чесно́к*), *лук, картофель* (*картошка*). Форма *карток* («*Картокой менам таво умоль*» – «Картофель мой нынче плохой») – один из диалектных вариантов слова *картофель*, которое в разных диалектах коми языков представлено также в формах *картовка, картол, картупель, картопель, картапель* и др. Данные формы появляются вследствие замены несвойственной коми-пермяцкому языку фонемы [ф]. Впрочем, и в русских говорах слово *картофель* (немецкого происхождения – из первоначального *Tartuffel*) активно варьируется с устранением этой фонемы – *картоха, картопля, картовя, картовонка, картожечка, картохель*, см.: [СРНГ³ 13: 101–105].

Причины появления заимствований в языке различны и не всегда прозрачны. Так, к общерусскому *берёза* в коми-пермяцком языке имеется эквивалент *кыдз* (*кыдз пу*), однако русское слово (в форме *бероза*) активно вошло в язык, при том что им обозначено одно из культовых,

священных для коми-пермяков растений. Основной же причиной является заимствование слова вместе с заимствованием вещи или понятия. Слово *песня* вошло в коми-пермяцкий язык, поскольку этот жанр не был полно представлен в коми-пермяцком фольклоре. Н.Рогов отмечал: «У пермяков мало песен на своем языке; да и те, которые существуют, по своему содержанию и складу скорее должны быть названы прибаутками, побасенками. Песни же в собственном смысле они переняли от русских...» [Рогов 2008: 127]. Близкое к слову *песня* обозначение поющего стиха *сьыланкыв* (буквально – «мелодичное слово») и *сьылан* является редким. Любопытно, что и для обозначения понятия «мотив» (и старинной распевной песни) используется старое русское слово *проглас*, имеющее церковнославянский характер; ср. русское прилагательное *проголосный*, которое используется для называния протяжных по распеву, так называемых «долгих» песен, в исполнении которых вполне ощутимо влияние церковных песнопений.

Часто с помощью иноязычного слова может быть обозначен вид, та или иная разновидность предмета (реже встречаются заимствования «родовых» слов типа *звер* ‘зверь’). Например, для обозначения изделия из теста с начинкой было заимствовано слово *пирог* (*пирӧг*), при том что были сохранены и обозначения таких изделий на родном языке – *черинянь* (букв. «рыбный хлеб»). Кроме указанных «внешних», выделяют, как известно, и внутренние причины заимствований. Так, тенденцией к экономии языковых средств является замена описательного наименования однословным. «Выиграло», в частности, конкуренцию русское слово *праздник* вместо *вежалун*, (букв. «святой день»), *сенокос* вместо *ытшикисян кад* («время кошения»).

Как показали исследования Е.Н.Федосеевой и Л.Г.Пономаревой [Федосеева 2002; Пономарева 2002], обилие русских заимствований отличает диалектную речь лупьинских коми-пермяков, интереснейшей малой этнографической группы коми-пермяцкого народа, расселённой на самом севере Пермского края (в поречье р.Лупьи Гайнского района). Русские поселения издавна, еще с XVI в., находились в Гайнском районе по соседству с коми-пермяцкими, и по данным метрических книг в XIX – XX вв. нередко были браки лупьинцев с жителями ближних к ним сугубо русских деревень Горы, Базуева, Плесо, Полуденная и др. Тесные хозяйственные, бытовые, семейные связи стали причиной того, что и в мысовско-лупьинском диалекте коми-пермяцкого языка, и в русской речи лупьинцев встречается немало лексических заимствований

из северных диалектов русского языка в целом и из русских говоров Северного Прикамья. Это названия бытовых предметов (*подонча* ‘подойница’), некоторых погодных явлений (*шляка* ‘слякоть’), обуви (*пориши* – обувь из кожи, сшиваемой сыромятным ремнем), отдельные сома-тизмы (*чушка* – в русских пермских говорах употребляется с семантикой ‘нижняя часть подбородка вместе со ртом’, в мысовско-лупьинском диалекте *чуш* ‘губа’). Нередко слово осваивается в русской диалектной фонетической окраске. Так, слово *вылидьё* («На вылидьё плаш босьтас» – «Для выхода в деревню плащ купит») сохраняет переход конечного *-e* в *-o* (*-ё*), формы слов *мисеч*, *Богородича* объясняются результатами диалектного чокания. Случаи типа *грэзь* вместо *грязь*, произношение [и] на месте старого «ять» между мягкими согласными под ударением (*писья* вместо *песня*), расподобления типа *пинжак* вместо *пиджак* также повторяют русские диалектные формы.

В процессе заимствования слова фонетически адаптируются к системе другого языка. Так, отмечается при заимствовании выпадение одного из согласных: *друг* вместо *вдруг*; появляется протетический звук в абсолютном начале слова: *исерга* вместо *серьга*; звук [j] уподобляется предшествующему мягкому согласному: *аладдя* вместо *аладья*; в слове ассимилируются согласные, различающиеся по способу и месту образования, а также по глухости-звонкости: *берба* из *верба*, *яблог* из *яблоко*. Формы *печат* из *печать*, *масть* из *масть* являются примером диссимиляции, формы *лясни* ‘ясли’ (для скота) – примером звуковой адаптации заимствований посредством метатезы, *моски* из *мостки* – примером диэрезы. Русские лексемы также осваиваются семантически, меняют свою семантику (приобретают новое значение, расширяют либо сужают семантику). Например, слово *посудка* ‘обиходный сосуд, предмет домашнего обихода для хранения, приготовления или подачи пищи’ развивает значение ‘небольшая бутылка спиртного’ («*Чем платить – посудку мне купишь да и ладно, поллитрочку*»). Глагол *воспитывать* ‘развивать ребенка, прививать ему навыки поведения’ семантически расширяется, переосмысливается в ‘восстанавливать здоровье, лечить’: «*Больницы ничё не были да, всё знахарством люди-то и воспитывали*». Слово *лекарственный*, которое в русском языке связывается только с лечебными свойствами растения или препарата, может использоваться в значении ‘полезный для здоровья’ («*С белки шубы-то шили. Она тёпая, лекарственная*»).

В процессе языкового взаимодействия заимствуются слова из различных стилистических пластов русского языка. Глагол *киритны* ‘вычеркнуть’ («Школьникес двойкасё киритасё» – «Школьники-то двойку вычеркнул») имеет общесевернопермское распространение (употребляется также в коми-зырянском литературном языке и в зырянских диалектах, в т.ч. в формах *тиритны, керитны, херитны*). Слово восходит к устаревшему русскому глаголу *херить*, который, как установил В.В.Виноградов (см.: [Виноградов 1999]), имеет церковно-славянскую основу и связан с названием церковнославянской буквы Х ‘хер’ (глагол первоначально обозначал перечеркивание крестом и постепенно развил оттенок ‘уничтожать, ликвидировать’).

Определенное «игнорирование» при усвоении слова его «нелитературной» стилистической окраски показывает экспрессивное слово *капнуть* в значении ‘тайком сообщить’, используемое лупьинцами вполне нейтрально: «Никто ничего не знал, а потом отцу-то капнула тётка-тэ. «Ой, – говорит, – звери. Девчонку-то таку испортили»). Глагол *капать* ‘наливать каплями’ основан на звукоподражании *кап*; чаще *капля* воспринимается как знак малости (*капля в море* ‘крайне мало’, *ни капли*, диалектное *ни капки, ни капочки* ‘нисколько’); здесь же оказались развёрнуты идея тихого, но непрерывного звука каплюющей воды как символа говорения и одновременно знака опасности.

Аналогично освоен жаргонно-просторечный глагол *шмолить*: «Смотрю, рябины нету. Такой шмоток грозди повесил, крупный, красный. Одна кожура на земле валяется, семечки. Интерес мне взял, какой зверь, кто так делает. Повесил снова. И попался мне бурундук. Он шмолит токо так». Экспрессивность глагола, связанная с наличием в нём семы интенсивности, в данном случае сохранена, однако семантика глагола расширена (значение глагола ‘быстро, много есть’ в собственно русской жаргонизированной речи глагол *шмолить* и его вариант *шмалять* имеют несколько иные смыслы – ‘много курить’, ‘курить наркотики’, ‘вести интенсивную стрельбу’). Еще одним примером заимствований из русской жаргонно-просторечной сферы является глагол *салдымитны* ‘много пить, пьянствовать’ («Тён сйя кыдз салдымитис, стопкаись стопка вежис» – «Вчера он как пил, стопку на стопку менял»). Глагол соотносится с изобразительным представлением пьяного и состояния опьянения в пермском просторечии *салдым-салдым*, которое соотносится с тюркским глаголом в форме прошедшего времени *салдым* (букв. «бросил»). В основе этой характеристики лежит татарский

многозначный глагол *салу* (его значения ‘положить, засыпать, налить, бросить, стукнуть, сделать’ представляют приём спиртного как быстрое «ударное» действие). Сугубо жаргонное русское обозначение кошелька *гуманок* (скорее всего, из диалектов – ср. *гаманец, гаманок* южное и западное ‘кожаный кошелек для денег’) используется в речи лупьинцев как вполне нейтральное («Гуманок какой-то был у бабушки старый, в нем деньги оставались»). Данное слово родственно другим жаргонным обозначениям кошелька (реже кармана) *гомонец, гаман, гомак* и, возможно, восходит к переосмыслению и секретной «перекодировке» (по созвучию) слова *гомон* ‘карман’ (при этом своеобразно обыгрывается ассоциация с основным значением слова *гомон* ‘шум’, активизируется модель обозначения денег через идею интенсивного шума, звука – ср. также жаргонное *хруст* ‘деньги’, известное устойчивое шутивное выражение *шелест купюр*).

Наши наблюдения показывают, что среди русских диалектных заимствований в речи лупьинцев единичны названия из мира природы. Редкий пример – слово *волнянка* ‘гриб волнушка’ («Волнянки, сыроежки, рыжики, белянки берём. Кульбики тоже»). Слово известно как чердынское [СРНГ 5: 45] и представляет собой вариант общеупотребительного названия *волнушка*. Оно создано с использованием продуктивного «грибного» суффикса *-янк(а)* и представляет достаточно частотную модель образования диалектных миконимов – аналогичны пермские диалектные *волвянка* (волнушка), *белянка* (волнушка светлого цвета), *маслянка* (гриб масленник), *песьянка* (сыроежка – «растет на песке»). В русских говорах Прикамья название этого гриба может быть оформлено иначе – суффиксом *-ушк(а)*: *волнушка* (аналогично – *белушка, пеструшка, свинушка, чернушка* и пр.); суффиксами *-иц(а)*, *-ейк(а)*, *-енк(а)*: *волница, волнейка, волненка*. Скорее всего, слово вошло в местную речь в последнее время, когда этот гриб постепенно начал входить в пищевой рацион (хотя и русские в ряде мест Прикамья до сих пор волнушки не собирают). Заимствованное лупьинцами название репейника, чертополоха *шишибар* («Шишибар – лопух, это от кашля, от сдыканне-то. Она не вредный, она очень короший лекарство») встречается в русских (пермских, архангельских) говорах, в том числе и в виде варианта *шишибарник*. Долгое время слово даже считалось финно-угорским, но, как показала В.А.Меркулова, при не вполне ясной внутренней форме оно близко к слову *чертополох* (в связи с русским диалектным *шиши* ‘черт’ и *бор* от *бороть, бороться*), образовано по

аналогии с *чертополох* от *черт* и *полохать* ‘угатать’ [Меркулова 1965: 156].

Немногочисленны диалектные заимствования названий пищи и напитков. Таково слово *морёнка* ‘хмельная брага’ от *морёный* ‘пареный в протопленной печи под глухой крышкой’ («*Водки не было в нашем крае, самогонку не умели делать, брагу токо крепкэй, морёнку*»); слово *слеўка* (или *слевка*) – ‘хмельная пенная пресная брага’; название квашеной капусты из верхних рубленых листов кочана *сеченка* (*сиченка*) («*Зелёной листьесис керам сичанка: мёслё или аслыт керан*» – «Из зеленых листьев капусты сделаем сеченку: корове или себе сделаешь»); название хлебного изделия в виде лепешки *мусник* от *мусный* ‘мучной’ («*Мусниккез простой пизись пёжжали*» – «*Мусники из одной только муки сделала я*»). Показательно, что было воспринято лупьинцами и русское диалектное название приёма пищи, обеда вне дома (в поле или в лесу) *паужин* («*Семён, он паужин крадёт во время жатвы. Пройдёт, и больше паужин не берём, с него паужин больше не носим*»). И в речи лупьинцев, и в русских говорах это название полдника, послеобеденного приема пищи на работах в лесу или поле, тогда как в общем коми-пермяцком языке слово *навжун* имеет обычное значение ‘обед’ (правда, однокоренной глагол *навжинайтём* имеет семантическое отклонение и обозначает ‘давать корм скоту в обеденное время’).

Заимствовались лупьинцами диалектные названия предметов быта, одежды и обуви. Слово *гач* ‘штаны’ известно в целом в русских говорах (костр., томск., сиб.) в значении ‘бедро, ляжка’ и в форме *гачи* также обозначает штаны [СРНГ 1970:154]. Слово в этом значении встречается в ряде славянских языков (болг., сербохорв., польск.), по мнению М.Фасмера [Фасмер I: 397], оно заимствовано финским языком (эст. *kaats* ‘шаровары’, венг. *gatyá* ‘кальсоны’). В коми-зырянском языке *гач* ‘брюки, штаны’, а также ‘мужское нижнее бельё в виде длинных штанов, нижнее женское бельё и шаровары’. Слово *гуня* используется в значении ‘верхняя одежда в виде пальто’, известно как укр., болг., сербохорв., словенск., польск. (напр., чешск. *houne* ‘одеяло’) [Фасмер I: 475]. Русское диалектное (арханг., вологодск., перм., сиб.) *уледи* (в том числе в вариантах *улиги*, *улеви* и даже *унеги*) ‘грубая кожаная обувь типа тупоносых катаных котов, обрамленных кожей, с ушками для продевания привязок’ («*Раньше-то мы носили только уледи, сами их шили, а сейчас ведь ботинки носят*»), как считается, давно пришло в русский из финского языка (*uilo*, *uilokas* ‘полусапожки с широкой, загнутой сверху подошвой’) [Фасмер IV: 158]. За-

имствуются в речь лупьинцев отдельные названия природных явлений типа *старолунье* ‘время, когда луна идёт на убыль’ («*Старолунье мы говорим, чтобы было, когда надо лес рубить*»), слово образовано по аналогии с *безлунье*, *последлунье*; названия привнесённых технических приборов (*матка* ‘компас’: «*Вёрё муна, матка дынам босьта*» – «В лес иду, компас с собой беру»); употребляется и в коми-зырянском литературном языке). Освоены русские диалектные этнографизмы: *подлучинник* ‘корытце, емкость с водой; нижняя часть светца для сгоревшей лучины, углей’ («*Какие-то еще у нас в Мысах подлучинники были, туда суют. Туда таз, чтобы падало*»); *шором* ‘укладка снопов в скирду’ (слово используется в пермских, сибирских говорах чаще для обозначения копны гороха, стога сена, сооружения из жердей для просушки сжатого хлеба). Отмечаются при этом также фонетические и грамматические, морфемные преобразования: *дупель* вместо *дуплянка* ‘долбленный сосуд из ствола дерева’ («*Посуду старики делали из дерева. Из осины, середину продолжают, дно вставят. Большие дупли сделают*»); *шыргун* вместо *ширкун*, *шаркун*, *шаркунец* ‘бубенчик-погремушка для конской упряжи’ («*Вёлыслё ёшотасё шыргун, да сја тиньётё*» – «Лошади-то повесят бубенчик, он и звенит», ср. *шургын*, *шургунеч* ‘колокольчик’ в коми-зырянском языке). Ряд названий отражает заимствование коми-пермяками способов хозяйственной самоорганизации – слово *помечь* ‘коллективные хозяйственные работы’ соответствует пермскому и севернорусскому *помочь*, *помочи* в том же значении («*Помечь делать – если картошку копать да што – позовёшь суседов, они помогут*»).

Диалектные русизмы отчасти привлекаются и для обозначения ряда отвлеченных понятий и признаков (напр., *век* в значении ‘всегда, постоянно’: «*Температуритё пё вёли век*» – «Температура мол она постоянно»; слово *век* в близком значении ‘с давних пор’ как наречие используется в русских говорах, как и слово *веки* – ‘постоянно, всегда’ [СРНГ 4:99]). Фиксируются собственно лексические дивалектизмы (*жвак* ‘аппетит, способность к жеванию у животных’: «*Скотина заболает, что-то ходишь, спросишь у старухи, траву дали, поишь. А лыко – жвак если, не жвакует. Лыко дадут тоже старухи. Аппетит у коров появляется*»; *ускотье* ‘падеж скота’: «*Она мне говорит – ускотье, скот, говорит, у тебя не будет, если не поминаешь отца*»); семантические диалектизмы (*боль* ‘болезнь’: «*В белом платье, маленькая показалаась. Ничего не сказала мне, подошла койку и ушла обратно. И потом я заболела. Перед болью я её видела*»).

Более многочисленными по составу группами заимствований следует считать лексику, связанную с теми или иными культурными реалиями. В здешних глухих местах довольно рано появляются скрывавшиеся от властей русские старобрядцы, и память о старобрядчестве своеобразно сохраняется в местной традиции именаречения. У жителей Мысов и окрестных деревень сохранилась традиция выбора редких, старинных имен – встречаются мужское имя *Иясон*, женские *Еливерия*, *Дия*, *Веналина*. Обращение к таким именам соотносится со старобрядческой практикой выбора имен, укорененных в древних священных текстах. Так, имя *Иясон* носил один из апостолов и учеников апостола Павла (к его деяниям относилось строительство храмов и «приумножение стада Христова»). Имя *Еливерия*, вероятно, связано с мужским именем *Ливерий* (его носил римский святитель, ревностный поборник Православия). Аналогично женское имя *Дия* соотносится с именем преподобного *Дия*, прославившегося даром чудотворений. Имя *Веналина* представляет, вероятно, трансформацию имени *Веналий* (*Ювеналий*), преимущественно употребляемого в церковной среде и среди монахов (женщинам имя *Веналина*, *Ювеналия* могло даваться в прошлом лишь в отдельных случаях – например, при монашеском постриге).

Показателем тесного взаимодействия лупьинских пермяков со старобрядческой культурой являются заимствованные слова *кержанка* о исповедующей старобрядческую веру женщине, слово *кержачьез* ‘кержаки’, ряд религиозных обрядовых терминов. Так, термин *собор ва* (букв. «соборная вода») обозначает воду, которой моют икону «Собор» и затем используют в обрядовых целях. В этой контаминации первый компонент *собор* заимствован из русского языка (ср. русское *соборовать* ‘причащать перед смертью’), а второй (*ва*) является сугубо финно-угорским. Выражение *дари удны* ‘причастить, напоить перед смертью святой водой’ содержит слово *дари* от русского *дары* (‘дары Божьи’, ‘причастие’) и коми глагол *удны* – здесь он означает ‘подавать вино, напиток в чаше с кусочками просфоры, символизирующий кровь Иисуса Христа (ср. в связи с этим коми-зырянское *дари босьтны* ‘принять причастие, причаститься’).

Среди прочих «культурных» заимствований характерно для лупьинцев усвоение русских терминов родства – прежде всего, номинаций свойства, а не кровных родственных отношений. Так, слово *баба* употребляется в лупьинском, как и во всех коми-зырянских диалектах, в значении ‘жена’ (в коми-пермяцком языке эта лексема

имеет значение ‘бабушка’). В говорах отмечено слово *браччик* ‘деверь’ (брат мужа); слово освоено, хотя оно имеет коми-пермяцкий эквивалент *ичипиян* (букв. «младший ребенок»). В русских говорах слово *братчик*, *браччик* также используется не только как название старшего брата (казанск.), двоюродного брата (костром., пермск.), сводного брата (пермск.), но и в значении ‘деверь’, муж сестры (пермск., свердловск. [СРНГ 3:162]). Очевидно, в этом случае имеет место установка на выражение идеи равенства по положению детей разных родителей, имеющих отношение свойства, – ср. использование слова *брат* в удмуртских диалектах для указания на более старшего родственника, т.е. сохранение возрастной дифференциации при счете родственников [Энико Сий 1998: 68].

Возможная причина активного усвоения терминов родства – выбор более компактного, однословного русского термина вместо составного. Освоено слово *сестрянка* (*сестранка*) ‘двоюродная сестра’, которое имеет в литературных коми языках эквивалент *оча сой* (букв. «сестра напротив»), *воча чой* (зырянское). Название золовки, сестры мужа *сестричка* в литературных языках также имеет аналог *аяныв*. Название сестры жены или (реже) сестры мужа *свесья* заменило собственное *иньльон сой* (в русских говорах слово *свесья*, *свесья* известно как вологодск., вятск., пермск., архангельск., новг., иртышск., тобольск., в том числе в форме *свёстка*, *свёстя*, *свясь*, и используется русскими только для обозначения сестры жены [СРНГ 36: 251,252]).

Из других «культурных» заимствований следует отметить слово *гудок* в специфическом значении ‘гармонь’. Перенос названия старинного русского трехструнного смычкового инструмента на клавишно-пневматический музыкальный инструмент, казалось бы, случаен. Однако и в русских говорах термином *гудок* может быть назван не только род скрипки, дудка или свирель [СРНГ 7: 202], но и любой другой музыкальный инструмент. Лежащий в основе названия глагол *гудеть* (в исходном значении ‘издавать длительный однотонный звук, производить низкие монотонные звуки’) легко приобретает более расширительные ассоциативные смыслы, ср. *гудение* ‘пение песен’ [СРНГ 7: 200], пермское *гудеть* об игре балалайки – «*Балалаечка гудит, пойду миленочка будить*»). Примечательно, что и в близком к лупьинцам коми-зырянском языке слово *гудок* могло означать не только смычковый волосяной (*сигудок*), но и щипковый инструмент типа балалайки.

Лексика русского происхождения, отмеченная в мысовско-лупьинском ареале, раскрывает особенности местной духовной культуры, окрашенной русским влиянием. Особенно наглядно это проявляется в использовании обрядовых терминов русского происхождения: «*Свататься – знамя просит женик. Знакомисься, да придёт, знамя просит, если желаешь ты замуж выходить. Я носовой платок вышивала мужику, он мне платок дал. Это знамя как называется, мене он платок дал, а я носовой платок вышила, дала, когда сватается*». Обрядовый термин *знамя* в своей внутренней форме содержит указание на глагол *знать* (*знамя* – это не флаг, а вообще то, что позволяет отличать, замечать, т.е. отличительный знак). Кроме ряда свадебных терминов, в речи лупьинцев отмечаются термины похоронной и календарной обрядности. Так, словом *чупорини* называют здесь, как и в ряде русских говоров Прикамья, вязаные тапочки для умершего («*Шёркают лён, кто чешет, кто прядёт. Из этого делают кудель. Потом тапэчки шьют и саван. Или шерсть – тапки чупорини*»). Слово *цветьё* (*цветтё, четтё*) используется на Лупье в значении ‘святочное время, а также время цветения хлебов летом’: «*Что зимней январь месяц цветтё, что летом юль месяц цветтё, когда рожь цветёт, когда вся трава цветёт, это тоже цветтё называется. Гадали в Четтё – сядем на перекрестке в круг, круг головешкой обведем по снегу, палку поставим, за её держимся. Слушаем. Кто-то крикнет – и все испугаются, убегут*».

Значительна по объёму заимствованная лексика, связанная с мистическими представлениями. Таково обозначение суеверной приметы *захматка*. Оно известно в русских говорах Прикамья в форме *захмат* – вероятно связь слова с именем тюркского происхождения *Захмат*, которое, в свою очередь, восходит к арабскому «труд». Привлечение слова для обозначения хитроумной уловки, суеверной приметы, действий сверхъестественной силы связано, очевидно, с эвфемическим обозначением вредоносного ритуала через общее понятие труда, «делания». Кстати, глагол *делать* также используется лупьинцами в типичном для русских диалектов значении эвфемического характера ‘колдовать’ («*Колдуны собирают верес и всякие такие. Тебе так сделают, шиши встанешь с койки-то, будешь лежать. Что-нибудь нальют, выпьешь, вот тебе и будет*»). Освоение русских эвфемических номинаций проявляется и в других случаях (напр., слово *рубашное* о месячных: «*У дяди подруга была, колодовала его, напоила его рубашным*», оборот *на белье* в том же значении: «*Тысчалистник ма-*

ленький, беленький, в лесу растёт, не знаю, как название, по-женски если, на билле много идёт, его пить»).

Заимствовано лупьинцами название колдуньи *волишебнича*, название черта, дьявола, беса *шиши*, название причиненной колдовством порчи в виде болезненного уплотнения на теле *комутец* (*комутеч*) (от *комить* ‘стягивать’). Заимствованиями из русского языка являются обозначение самого процесса колдования (*шопкыны* ‘нашептывать, наговаривать’: «*Тодиссес шопкыны кужбёны ассиньыс молитваесё*» – «Колдуны умеют нашептывать свои молитвы», ср. *шепотки* ‘наговоры, заговоры’ из *шептать*), результата такого действия (*ымрачитны* ‘сбить с толку, запутать’ – о нечистой силе: «*Оттик инькаёс ымрачитёма вёрас Кузьыс*» – «Одну женщину запутал Леший оказывается в лесу-то»).

Еще одна сфера, где обнаруживаются русские заимствования, – технические термины и профессионализмы. Таково слово *ослядь* ‘бревно, лес, годный на брёвна, строевой лес’. Как отмечал В.И.Лыткин, это слово активно усвоено разными группами коми-пермяков (в т.ч. в форме *ошл’ад* ‘толстая жердь, тонкое бревно’ [Лыткин 1969: 246]). Этимологически оно восходит к глаголу *оследить* ‘выбрать, отследив’ и отражает здешнюю старую «технологию» заготовки леса для последующего сплава и продажи – по историческим данным, лупьинцы активно занимались поставкой леса, в том числе отборного, для солеваренных заводов Соликамска и Усолья (города Дедюхина). В говоре фиксируется старое название самодельной баржи для сплава леса *глухар* («*На Каму сплавлили, глухари делали. Раму делают вот так... из бревен. Столбы ставят, и там погружают лес. В эту раму лес, это глухар*»). Позже пришли сплавные термины *бон* ‘заграждение из плавучих брёвен, плотов’, *подплав* ‘соединенные вместе еловые и березовые бревна для сплава по реке’ («*Березу с елкой связывать. Пучки делали вместе, подплав считался: береза, елка, всё вместе*»). Также отмечаются в местной речи термины плотницкого дела (*домная пила* ‘пила для распилики бревен на плахи, тес’), пчеловодства (*привой* ‘ветка, небольшое хвойное деревце как приспособление для поимки роя’), рыболовства (*витель* ‘рыбацкая снасть в виде большой плетёной из нитей морды’: «*Вители, это длинные такие, плетёные. Делали, лён обрабатывали, пряли, из льна плели. Как сетка. С обеих сторон делают плетёнки с ниток, а потом делают высокие такие палки. Также как морды делают, туда рыба попадает. Там как мешочки делают в середине*»), термины охоты (*жёрдка* ‘ловушка на мелкую боровую дичь’:

«Здесь приманок. Сюда как рябок побежит, голловкой сюда, шей, петельку раз, и повиснет. И готово. Быстро душит. Только грррк, и готово. По-пермяцки жёрдка это»).

Важной причиной появления русских заимствований следует считать стремление пополнить выразительно-образительные средства родного языка. Активно усваиваются образные номинации разного рода бытовых реалий (*товариш* шуточно о палочке, трости для ходьбы: «Сама – вот этой палочкой нынче и кодила магазин, товаришем»), оценочные слова. Слово *ангелок* в мысовско-лупьинском регионе имеет значение ‘ребенок’ (в связи с представлением о безгрешности маленького). Русские обычно так называют маленького ангела, а уменьшительно-ласкательная форма может использоваться для обозначения того, кто вызывает симпатию, расположение (ср. в коми-зырянском языке *ангел* – ласковое обращение к человеку). Название внебрачного ребенка *чурка* распространено в русских говорах Прикамья и получает коннотацию неодобрительности за счет уподобления человека обрубку, отпиленному куску дерева (ср. аналогично *чурбан* ‘глупый, а также бесчувственный человек’). Аналогия зачатого «неправильным» образом ребёнка и дерева может, впрочем, восходить к известному многим культурам уподоблению ребёнка предмету из дерева, где была использована не оценочная параллель, а мифологическая идея дерева как символа начал жизни. Учитывая особое, позитивное отношение финно-угорских народов к деревьям, можно объяснить тот факт, что название незаконнорожденного в коми-зырянском языке *чурка*, *чурка пон* не имеет выраженного негативного оттенка, как указывает Т.Н.Бунчук, «это, скорее, просто констатация того, что у человека нет отца. Более того, оно, как мы видим, означает – “созданный богом”» [Бунчук 2007: 18]. Данное объяснение хорошо подкрепляется также тем, что, по мнению ряда исследователей, для народов коми характерно было вполне лояльное отношение к внебрачной рождаемости, что объясняется исторически сложившейся экономической самостоятельностью коми женщины [Попов 1874]. Напротив, в речи лупьинцев слово *чурка* ‘незаконнорожденный’ и производное *чурошница* ‘родившая вне брака’ характеризуются как негативно-оценочные («Тэ разь бур, тэ эд чурошница» – «Ты разве хорошая, ты ведь ребенка родила без мужа»).

Диалектная лексика русских говоров Прикамья активно вошла в речь лупьинцев. Особенно интересным в этом плане является сохранение в ней архаичных пластов, нередко выветрившихся в традиционных русских говорах.

Обилие русских диалектных лексем (прежде всего, севернорусских) как в русской, так и в родной речи лупьинцев объясняется теснейшими хозяйственными и культурными связями двух народов. Овладение русским языком (в том числе в диалектной, жаргонно-просторечной формах) происходило здесь, очевидно, стихийно – не столько через сеть школьного образования, сколько в активном бытовом и трудовом общении. Прочно освоенными становятся не только сами лексемы, но и свойственные им культурные и оценочные коннотации. Поэтому важной задачей следует считать изучение того, как заимствования из русского языка входят в другой язык и начинают подчиняться его фонетическим и грамматическим нормам, соотносятся со стилистической градацией семантически однотипных слов родного языка. Помимо отмеченного, русская речь лупьинцев как особой этнической группы коми-пермяков представляет значительный интерес для изучения истории русской лексики.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-14-59600е «Русская речь островных коми-пермяков Прикамья (от пиджина к севернорусскому диалекту)».

² Активно усваиваются коми-пермяцким языком не только диалектные знаменательные слова, но и частицы, служебные части речи, напр., частица *-ко*, аналог постфикса *-то*, встречающийся в неопределенных словах *какой-ко*, *куда-ко*; диалектные синтаксические частицы типа *дак*, *надьто* и др.

³ СРНГ – здесь и далее – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1965–2007. Вып.1–41.

Список литературы

Бунчук Т.Н. Семантическое поле «детство» в усть-цилемской народной традиции: зачатие и рождение (этнолингвистическое описание). Рябининские чтения – 2007 / отв. ред. Т.Г.Иванова; музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск, 2007. 497 с.

Виноградов В.В. История слов: Около 1 500 слов и выражений и более 5 000 слов, с ними связанных. М., 1999. 1138 с.

Лыткин В.И. Древнейшие русские заимствования в коми языке // Вopr. филол.: Учен. зап. МГПИ им. В.И.Ленина. М., 1969. Т.341. С.242–248.

Меркулова В.А. Несколько диалектных названий растений // Этимология. М.: Наука, 1967. С.153–160.

Пономарева Л.Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 207 с.

Попов К. Зыряне и Зырянский край / под ред. Н.А.Попова // Труды этнографического отдела. Кн.3, вып.2. М., 1874.

Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков. Кудымкар, 2008. 224 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

Федосеева Е.Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2002. 280 с.

Энко Сий. Термины родства и свойства в удмуртском языке. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1998. 216 с.

RUSSIAN DIALECT VOCABULARY IN LUPYINSKI KOMI-PERMYAK SPEECH

Ivan A. Podyukov

Professor of General Linguistics Department

Perm State Pedagogical University

The article deals with the thematic groups of the Russian dialect vocabulary, identified in the native speakers of the Lupyinski-Mysovskiy dialect speech of the Komi-Permyak language. It is traced that North-Russian dialects are preserved both in Russian and Lupyin speech, including obsolete words in traditional Russian dialects. The reasons for adoption are described, the most significant among which are the results of the influence of mastered cultural complexes and forms of traditional Russian culture and interaction in production. The processes of phonetic, grammatical, semantic transformations of the Russian dialect word in learning it by Native Komi speakers are characterized.

Key words: Komi-Permyak dialects; dialect vocabulary; loanwords; cultural-language interaction; loanwords adaptation processes.